

Примечание. Птица оказалась самкой по второму году. Для России единственное точное указание на нахождение пятнистой кукушки принадлежит Нордманну (Nordmann), который говорит, что однажды эта птица была добыта в Бессарабии. М.А.Мензбир (1895, с. 337), приводя это показание, подчёркивает, что «во всяком случае, в южной России это может быть только исключительно редкая случайно залётная птица». В новейшей литературе подтверждений указания Нордманна на нахождение её в Бессарабии не было до последнего времени. Не находили пёстрой кукушки и в смежной с Бессарабией Румынии. По крайней мере Dombrowski (1912) в своей капитальной сводке по орнитофауне этого района пёстрой кукушки не называет. Таким образом, находка С.Я.Парамонова представляет выдающийся интерес, так как, с одной стороны, подтверждается старое указание Нордманна, а с другой, закрепляет этот вид в списке русской орнитофауны.

Экземпляр передан С.Я.Парамоновым в Музей Киевского орнитологического общества. – В.М.Артоболевский.

Литература

Мензбир М.А. 1895. *Птицы России*. М., 1: I-CXXII, 1-836; 2: I-XV, 837-1120.
Dombrowski R.R. 1912. *Ornis Romaniae*. Bukarest.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2014, Том 23, Экспресс-выпуск 1035: 2500-2503

Происхождение фауны и флоры Крыма

С.Я.Парамонов

*Второе издание. Первая публикация в 1962**

В журнале «Природа»[†] были опубликованы две статьи, в которых излагаются два противоположных взгляда на происхождение фауны и флоры Крыма. Те же, в сущности, взгляды были предметом широкого обсуждения в феврале 1959 года в Симферополе на тему «Была ли Понтида?».

К сожалению, участники дискуссии упустили из виду существование третьей теории, принадлежащей автору этой статьи, которая может внести значительные коррективы во взгляды высказывавшихся[‡].

Фауна и флора Крыма неоднородны, они состоят в основном из элемента, который можно назвать «среднеевропейским», на который наложились два других элемента: холодолюбивых, бореальных форм, пришедших во время ледникового периода, и теплолюбивых, пришедших в послеледниковый период. Обычно именно последний элемент обра-

* Парамонов С.Я. 1962. Происхождение фауны и флоры Крыма // *Природа* 3: 56-57.

† См.: «Природа», 1960, № 6, с. 57-64; № 8, с. 83-85.

‡ Paramonow S.J. 1944. Die Entstehung der Fauna auf der Halbinsel Krim // *Annales Historico-naturales Musei nationalis hungarici*. Pars zool. (Budapest) 37: 131-151.

щает на себя особое внимание натуралистов, и именно теплолюбивые формы считаются типично «крымскими». Правильно решить вопрос может только анализ истории всех этих трёх элементов.

Мы обращаем внимание на следующие бесспорные факты. Эндемизм фауны и флоры Крыма и качественно, и количественно весьма низок. Вся история изучения показывает неуклонное и катастрофическое падение процента эндемичных форм. Чем подробней изучали фауну и флору, тем яснее становилось, что эндемизм на деле весьма незначителен и вовсе не соответствует тому, что принималось первыми исследователями. История изучения – это история развенчивания эндемизма Крыма.

Слабый эндемизм Крыма показывает, что изоляция Крыма как с севера, так и с юга не была ни в коем случае длительной. Для выработки собственных форм просто не было достаточно времени. Всё, что мы имеем эндемичного, в сущности не выше подвида, и число «эндемиков» неуклонно продолжает падать как в соответствии с изучением соседних фаун и флор, так и вообще с прогрессом систематики. Это означает, что Крым не может быть частью Понтиды, её так сказать островом, оторванным от Малой Азии на целые геологические эпохи. Присутствие эндемиков со времён, скажем, плиоцена, приходится отрицать самым решительным образом. Эндемизм в Крыму – явление совершенно новое, относящееся уже к голоцену.

Во время ледникового периода похолодание было настолько значительно, что в Крыму попадались северный олень, песец, заяц-беляк, тундряная куропатка, т.е. целый комплекс бореальных форм. Встречались там альпийские галки и иные холодолюбивые формы. Подсчёты показывают, что годовая средняя температура в Крыму была почти на 7° ниже современной. В этих условиях говорить о сохранении теплолюбивых форм на Южном берегу Крыма не приходится, все теплолюбивые формы начисто исчезли. Если в более тёплые межледниковые эпохи и проникали в Крым более теплолюбивые формы, то это были те, которые можно назвать «среднеевропейским» элементом.

Анализ углей различных древесных пород и кустарников в Румынии, на Украине и в Крыму показывает, что приблизительно за 10 тыс. лет до настоящего момента (2-3 тыс. лет в ту или иную сторону для наших целей не имеют значения) существовал гораздо более тёплый климат, чем теперь. На широте Хотина (48°31' с.ш.) росли вечнозелёные растения, а также породы южного типа: каштаны, самшит (буксус), южные дубы, и в то же время отсутствовали типичные северные хвойные деревья.

Вот именно в эту эпоху в Крым, главным образом с севера (когда перешеек был гораздо шире), проникли все теплолюбивые растения и животные. Затем, ближе к нашему времени, произошло значительное

похолодание; теплолюбивые формы постепенно откатились к югу; на западе – на Балканы, на востоке – на Кавказ, на юге же они были прижаты к северному побережью Чёрного моря и здесь уничтожены, однако часть их оттеснена на Южный берег Крыма, где и удержалась в узкой тепловой нише. Конечно, местами на Украине, в особенно благоприятных условиях, тоже удерживались редкие теплолюбивые формы, но это не реликты третичного периода, а остатки более теплолюбивых форм голоцена.

Вследствие всего этого произошёл разрыв ареалов: Крым оказался изолированным и от Кавказа, и от Балкан, хотя до того он был соединён с ними широкой полосой Южной Украины, где господствовали теплолюбивые формы. Таким образом, теплолюбивая фауна и флора Крыма – явление в геологическом понимании совершенно недавнее: эти элементы в Крыму вряд ли насчитывают более 10 тыс. лет, – отсюда слабый эндемизм Крыма.

На вопрос – почему существуют животные и растения, характерные только для Балкан и Крыма, можно ответить: потому что приблизительно 10 тыс. лет тому назад существовал более тёплый климат, позволивший некоторым балканским формам через Украину пробраться в Крым, но эти формы до Кавказа не распространились.

Аналогичный ответ может быть дан и в отношении Кавказа; таким образом «балканская» и «кавказская» теории могут быть совершенно примирены. Что же касается вопроса о связи Крыма только с Малой Азией, то ответ таков: общие формы существовали и гораздо севернее, но к настоящему времени либо на Балканах, либо на Кавказе вымерли. Почему это случилось, точно ответить нельзя, как нельзя ответить и на десятки подобных же вопросов о разъединённых ареалах многих животных и растений. Для этого просто нет достаточных данных из истории их распространения.

Заслуживает также особого внимания то обстоятельство, что от комплекса гиппарионово-жирафной фауны третичной эпохи мы не находим в Крыму никаких следов, нет также дикобраза и т.д. Всё это говорит о том, что в Крым попали теплолюбивые формы более северного типа. Мы намеренно умалчиваем о деталях геологии, палеоклиматологии, палеонтологии, зоологии и ботаники, равно как и о деталях истории Чёрного моря, ибо не желаем повторять того, что уже было сказано в более ранних работах.

Итак, мы приходим к следующим выводам: данные биогеографии для своего объяснения вовсе не нуждаются в теории Понтиды; теплолюбивую фауну и флору Крым получил главным образом с севера через Украину; случилось это приблизительно всего 10 тыс. лет тому назад; теплолюбивая фауна и флора принадлежали к более умеренно-тёплому комплексу, чем гиппарионово-жирафная.

Думается, что в свете вышеизложенного, многое в биогеографии Крыма придётся пересмотреть.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2014, Том 23, Экспресс-выпуск 1035: 2503-2513

Эволюция на уровне экосистем

А.М.Гиляров

Второе издание. Первая публикация в 1973*

Известный американский эколог и лимнолог Дж.Э.Хатчинсон назвал одну из своих последних книг «Экологический театр и эволюционная пьеса» (Hutchinson 1965). Название очень точное. Эволюция организмов действительно всегда разыгрывается на каком-то экологическом фоне, более того, она просто немислима без этого фона – вне окружающей среды. Экологический театр не постоянен, он сам предмет эволюции, но скорость изменения экологического театра (= экосистем) значительно медленнее, нежели скорость течения эволюционной пьесы (= эволюции организмов).

Восстановить эволюцию экологического театра на основе ископаемых остатков так, как это делается для отдельных групп растений и животных, обычно не представляется возможным. Здесь необходимо внести некоторые уточнения. Используя богатейший материал, накопленный современной палеонтологией, мы можем примерно представить себе видовой состав некоторых мезозойских, а возможно, даже и палеозойских биоценозов. Однако подобные исследования вряд ли прольют много света на проблему эволюции структуры экосистем. Почему? Да потому, что экосистемы того времени, для которого мы можем располагать достаточным палеонтологическим материалом, должны были обладать уже вполне развитой структурой, существенно не уступающей по своей сложности структуре современных экосистем.

Что касается определения структуры экосистемы, то в данном случае под этим термином подразумевается сеть взаимосвязей между отдельными элементами (= популяциями), позволяющая этим элементам совместно использовать ресурсы абиотической среды (включая сюда энергию).

Появление хотя бы двух трофических уровней – продуцентов и редуцентов, а есть все основания полагать, что жизнь возникла именно

* Гиляров А.М. 1973. Эволюция на уровне экосистем // Журн. общ. биол. 34, 1: 13-20.